





**ГДЕ НЕТ  
ПАРАЛЛЕЛЕЙ  
И НЕТ  
ПОЛЮСОВ**

Памяти  
Евгения Толовина



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 82/821.0  
ББК 83.3 (2Рос=Рус)  
Г 26

*Издание осуществлено при поддержке  
Фонда Евгения Головина  
www.golovinfond.ru*

Г 26 Где нет параллелей и нет полюсов: памяти Евгения Головина /  
сост. Е. Е. Головина. — М. : Языки славянской культуры. — 410 с.

ISBN 978-5-94457-201-1

Евгений Всеволодович Головин — поэт и философ, литератор и музыкант; филолог, теолог, мифолог; мистик и метафизик, непревзойденный знаток герметики и алхимии, человек колоссальной эрудиции, центральная фигура московского интеллектуального андеграунда 60—80-х гг. Именно благодаря ему, благодаря его особому присутствию этот андеграунд получил причастность к глубоким метафизическим измерениям и состоялся как уникальный феномен. Не принадлежавший ни этому времени, ни этому миру, Головин жил среди мифов и философских дискуссий античных времен, мистики и алхимии Средневековья, грез и прозрений великих мыслителей и поэтов, странствовал по невидимым континентам, забытым морям, пространствам сублильным, подвижным и тайным, приоткрывая «профанам» грандиозные перспективы совершенно иного, подлинного бытия, сейчас не известные практически никому. Экстравагантное поведение Головина во внешнем мире — симбиоз утонченного интеллектуализма, порочности, надменности, дендизма и декаданса — порождало массу легенд, пересудов... Наследие Головина — ряд блистательных книг, статьи и эссе, видео- и аудиозаписи лекций, бесед, а также песен в неповторимом авторском исполнении — еще подлежит осмыслению.

В книге представлены воспоминания и размышления о Евгении Головине близко знавших его людей, среди которых известные ныне философы, поэты, ученые, музыканты.

**УДК 82/821.0  
ББК 83.3**

© Авторы, 2015  
© Головина Е. Е., сост., 2015  
ISBN 978-5-94457-201-1 © «Языки славянской культуры», оформление, макет, 2015

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Елена Головина. Мой отец Евгений Головин</i> . . . . .	5
<i>Сергей Жигалкин. Миссия X</i> . . . . .	27
<i>Глеб Бутузов. Первый</i> . . . . .	64
<i>Александр Дугин. Из грезы в грезу</i> . . . . .	73
<i>Auf, o Seele! (Эссе о Евгении Головине)</i> . . . . .	75
Мифомания как строгая наука . . . . .	85
Философия воды Евгения Головина . . . . .	89
Евгений Головин и сущность поэзии . . . . .	149
Головин и открытая герметика . . . . .	168
<i>Игорь Дудинский. Метафизика — это я</i> . . . . .	174
<i>Юрий Мамлеев. Жажда иного берега</i> . . . . .	181
<i>Александр Ф. Скляр. Корабли не тонут, или</i> Сказка длиною в жизнь . . . . .	189
<i>Гейдар Джемаль. «Черный люстр»</i> . . . . .	211
<i>Владимир Рынкевич. Потомки Мульдú</i> . . . . .	222
Потомки Мульдú . . . . .	222
Terra foliata . . . . .	226
Ночь с Инженером Тяги . . . . .	228
Без жала сатаны . . . . .	232
В холодильной камере . . . . .	235
После-слобие . . . . .	238
<i>Наталья Мелентьева. Молитва радуге</i> . . . . .	239
Евгений Головин: «осторожные экскурсии в безумие» . . . . .	239
Евгений Головин: уточнение деконпозиции . . . . .	299
<i>Олег Фомин-Шахов. Вечный слепопуденный отдых</i> фавна . . . . .	306

<i>Сергей Герасимов.</i> «Мы встретились случайно, в глубине космической жизни...» . . . . .	313
<i>Александр Петров.</i> Тотальный человек . . . . .	333
<i>Григорий Бондаренко.</i> Памяти Евгения Всеволодовича . . . . .	343
<i>Полина Болотова.</i> Вечера на Ореховом . . . . .	349
<i>Сергей Гражданкин.</i> Евгений Всеволодович_головинэссе: Женечка-адмирал . . . . .	353
<i>Наталья Черных.</i> Евгений Головин как явление природы . . . . .	362

## П Р И Л О Ж Е Н И Е

### ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН: ПОЭЗИЯ, АЛХИМИЯ, МИФОМАНИЯ

Материалы семинаров  
по проблемам религиоведения и традиционализма  
Центра Консервативных Исследований  
при социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова  
Весенний семестр, 2011  
С е м и н а р № 4

<i>А. Г. Дугин.</i> Евгений Головин: интеллектуальная топика (тезисы) . . . . .	373
<i>Г. Д. Джемаль.</i> Головин и прижизненный опыт смерти . . . . .	378
<i>С. А. Жигалкин.</i> Головин и математика . . . . .	386
<i>В. В. Рынкевич.</i> Евгений Головин и измененные состояния сознания . . . . .	392
<i>В. И. Карпец.</i> Головин как человек Премодерна и последний язычник. . . . .	396
<i>И. Б. Дмитриев.</i> «Работа в черном» и проблематика смерти . . . . .	401
Книги Евгения Головина. . . . .	403

**Елена Головина**

---

## **МОЙ ОТЕЦ ЕВГЕНИЙ ГОЛОВИН**

Для такого существа, каким был мой отец Евгений Головин, подробности личной биографии не просто не имеют никакого смысла, этой биографии как бы принципиально и нет, потому что все так называемые случившиеся с ним события могли быть какими угодно другими, то есть любимыми, от этого несколько не поменялась бы суть. Он вечный человек, как вечен камень, дух, океан, гора, Аполлон и Дионис; вокруг него могла разворачиваться война, революция, поздний совдеп, наводнение, застой или перестройка — не важно. В тот момент, когда мы решили собрать книгу воспоминаний о Евгении Всеволодовиче Головине, я поняла, что окажусь в сложном положении, потому что этот человек — мой отец и в силу одного этого соприкоснулся со мной в том числе и своей смертной, человеческой стороной. У меня были мучительные сомнения, стоит ли рассказывать его личную раннюю биография или можно спокойно без этого обойтись, тогда его портрет, нарисованный в этом сборнике знавшими его людьми, останется полностью мифологичным. Никаких сомнений в том, что мифологический портрет гораздо ближе к сути, чем так называемый «лично-человеческий», у меня, разумеется, нет. Тем не менее я решила все-таки немного затронуть его личную историю и надеюсь, что ему не будет это неприятно. В последние пару лет жизни он часто заводил разговоры о семье, о своих родителях, родных, и я чувствовала, что у него есть потребность ощущать, что и он по-своему составляет часть родовой цепи; возможно, в последний, самый тягостный

период его жизни внутренние ветра уже слишком сильно относили его от земных берегов, и эти разговоры были своеобразной привязкой, попыткой на секунду дольше задержаться на здешнем якорю. Мне так и хочется написать, что все, с ним случившееся, так называемые «факты» его жизни — это неправда, ведь лишь ничтожная часть его существа принимала участие в банальной обыденщине существования. И все же...

...Родной брат Жени — Рудик был на год старше, но его пожирал, высасывал голод войны, пощадив только огромные темные глаза в пол-лица; плоть Рудика исчезала, и маленький Женя думал, что ею питаются домовые, живущие за печкой, — так говорила бабка; может быть, бабка нарочно скармливала домовым Рудика, потому что он был гениальным. Отец всю жизнь повторял, что трехлетний Рудик был гениальный, но как двухлетний мог заметить гениальность трехлетнего? Он говорил, это было заметно по глазам — единственному, что дольше всего сохранялось от тающего Рудика. Отец подкрадывался ночью с ножом к бабке — отрезать ее воняющей скипидаром плоти и подкинуть домовым; все, что дурно пахнет, не подходит для высших созданий, эту истину пришлось рано усвоить. А что домовые создания высшие, он поначалу узнал от бабки: она любила по вечерам ставить по рюмке водки домовым, чтобы они охраняли ее. Зато Рудика домовые прикончили; может быть, даже и по приказу бабки, так думал Женя. Он намеревался сам залезть на место брата в детский гробик, и залез бы, бабка даже бы не заметила. Но тут произошло явление красивой еврейки с косами, уложенными вокруг головы. Юля. Скипидарная бабка сначала хотела отогнать ее палкой, но когда из Юлиной сумки вывалилась курица, и банка кофе, и сахарок, бабка закивала одобрительно. Запах Юли Жене не понравился сразу — пахло мылом. И вонючий скипидар против него оказался куда животворнее, душистее и кучерявее; и даже бабкина страшная палка будет вспоминаться эдакой веселой девахой, любящей поокочалачиваться в недозволенных местах, и белый снежный Свердловск, от которого единственное воспоминание — пар изо рта, как у паровоза, на который ходили смотреть с бабкой. Но это будет понятно потом, а пока Юля купила Женечку леденцовыми

петушками на палочке и разрешала поначалу засунуть их в рот сразу четыре.

Так из Свердловска в 1943 году умиравшего от голода пятилетнего Женечку Головина забрала в Москву дальняя родственница Юлия Исааковна Гершзон, двоюродная сестра Жениной бабушки по отцу. Муж Юли — Александр Исаакович или просто «дядя Саня» — оказался большим человеком, директором московского часового завода. До конца жизни отец отзывался о нем по-детски: «Дядя Саня был очень хороший». Ютились в Плетешковском переулке в двух захламленных комнатухах. Женя уже знал свою историю: их с братом Рудиком оставила мать по имени Евгения Федоровна Васильева; красивая и талантливая актриса бросила в военное время голодных детей — Женечку и Рудика на произвол своей матери и отбыла на поиски приключений; а их отец Воля, Всеволод Викторович Головин, ушел на фронт. Он был поэтом, путешественником и искателем. Ростом метр девяносто шесть и красив, как бог; ему вслед оборачивались все женщины на улице. Романтик, он в 16 лет сбежал на Север, где прожил целых шесть лет; стихи сохранили память о его романе с юкагиркой — к ужасу своих родителей, он едва не привез ее в Москву и не женился на ней!

Подошел без гримас и кривляний  
Поняла ты и стала любить  
Никаких не давал обещаний,  
Никого не клялся позабыть

Юля вспоминала, что редкие наезды Всеволода в Москву, особенно при деньгах, что иногда случалось, обожала вся семья, потому что человеком он был широким, мог выкинуть шальные деньги, если вдруг они на него сваливались — на подарки детям, кузинам, племянникам, просто приятелям; одно время он дружил с Константином Симоновым, пока тот не предал его каким-то образом, но подробностей никто не знает. В отличие от самого Жени, его отец Всеволод был путешественником прежде всего во внешнем проявленном мире, неутомимым, физически выносливым, умелым по части костров, рюкзаков, походов, палаток,

он даже внешне напоминал викинга. Женя любил фраппировать рассказами, будто бы его отец перебежал к немцам. Очень это сомнительно. Скорее всего, он погиб на фронте. Во всяком случае, около 1942 года Всеволод Викторович Головин бесследно исчез, и с тех пор семья ничего о нем не слышала.

Откуда взялась приемная мать Юлия Исааковна Гершзон, приехавшая за маленьким Женей в Свердловск? Юлю попросила об этом ее двоюродная сестра Берта, в то время мотавшая сталинский срок на Колыме.

Берта Александровна Бабина-Невская, уникальная личность — бабушка моего отца и, соответственно, мать Всеволода. Она жила в те невероятные, «царские» времена, когда еще можно было родить сына в Риме, снимая просторную квартиру неподалеку от собора святого Петра, — там на свет и появился Всеволод. Берте было 18 лет, когда, увлеченная идеями анархистов и влюбленная в анархиста, она сделала попытку выстрелить в генерал-губернатора. Промахнулась. Всю жизнь потом вспоминала отеческую улыбку своей несостоявшейся жертвы и его слова: «Вам, барышня, замуж надо, а вы стрелять». Он не позволил полиции тронуть ее.

Позднее муж Берты, Виктор Головин, потомок русской аристократической фамилии Головиных, связался с левыми эсерами, стал одним из лидеров их петербургского кружка, но рано умер от туберкулеза. Берта Бабина за свою революционную деятельность, которую она не думала бросать, попала в питерские «Кресты» уже в 1922 году; рассказывала, как в соседних камерах на нарах оказались ее друзья — князь Оболенский и многие другие. Встречаясь на тюремных прогулках, они говорили о французской литературе и преимущественно по-французски. Упомянуть погоду, здоровье и их незавидное положение считалось дурным тоном. 25 лет сталинских лагерей, работа на лесоповале, а потом поселение Берту не сломили... В ссылке умер ее второй муж Борис Бабин.

В 1964 году Берте после реабилитации разрешили вернуться в Москву. Я помню ее крошечную комнатку на Сиреневом бульваре, заполненную книгами, огромное резное деревянное кресло, казавшееся мне тронем, — кто-то ей подарил; почти та-